Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербургский государственный университет

Мир Лермонтова

Под редакцией М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова

Скрипториум
Санкт-Петербург
2015

О. Б. Лебедева
*(Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Россия)*

Немецкие переводы стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…» как проблема творческой истории текста

Проблема немецких переводов стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…» — не столько специально переводоведческая, сколько поэтологическая и историко-литературная, поскольку в данном случае сам факт наличия этих переводов и их поэтика являются своего рода индикаторами определенной специфики творческой истории текста, практически очень мало известной. Как это ни парадоксально, именно немецкие переводы оригинального лермонтовского текста дают возможность выяснить — или реконструировать с достаточной степенью вероятности — тот ход ассоциативной мысли поэта, который привел к созданию его шедевра.

В немецкой рецептивной традиции стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…» является одним из самых, если не самым переводимым лирическим текстом русского поэта. С 1841 по 1978 год стихотворение Лермонтова перевели на немецкий язык Карл Штерн, Фридрих Боденштедт, Александр Вальд, Фридрих Фидлер, Д. Хиллер фон Гертринген, Иоганнес фон Гюнтер, Райнер Мария Рильке, Зигфрид фон Вегезак, Вильгельм Кремер, Лудольф Мюллер — и это только данные, собранные немецкой исследовательницей Карин Кюнцлер до 1980 года[1]: вполне возможно, что перечисленными десятью текстами рецептивная история лермонтовского стихотворения в Германии

[1] *Künzler K.* Deutsche Übersetzer und deutsche Übersetzungen Lermontovscher Gedichte von 1841 bis zur Gegenwart: Angaben über das Leben und das literarische Wirken der Übersetzer und Versuch einer kritischen Beurteilung ihrer Übertragungen. Tübingen, 1980. Bd 2. S. 769–772.

не ограничивается. Здесь мы имеем дело с ситуацией, которая является не столько показателем того, что реципируемый текст является шедевром (очень многие несомненные литературные шедевры отнюдь не обязательно становятся объектами множества переводов), сколько свидетельством некоей глубинной и часто не осознаваемой переводчиком ментальной близости иноязычного текста, которая подспудно мотивирует его выбор. И сама множественность переводов одного и того же текста разными поэтами в разные исторические эпохи свидетельствует о том, что в данном случае речь идет не об индивидуальном, а о коллективном национальном эстетическом сознании — в таком случае переводческие стратегии в своих совпадающих факторах (например, в выборе лексических эквивалентов для многозначных слов оригинала) становятся характеристикой оригинального текста в тех его поэтологических особенностях, которые наиболее близки переводящей словесности.

Что же может говорить лермонтовский текст немецкому национальному эстетическому сознанию и какие ассоциации — вполне вероятно, архетипические, ментальные и даже бессознательные — он в этом сознании вызывает? Некоторые образно-лексические мотивы лермонтовского оригинального стихотворения уже наводили русских литературоведов на мысль о том, что они, возможно, навеяны немецкими стихотворениями, известными Лермонтову в подлиннике. Так, например, Иннокентий Михайлович Болдаков, прокомментировавший стихотворение «Выхожу один я на дорогу…» в собрании стихотворений 1891 года, сопоставил его со стихотворением Г. Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht» (1824; «Смерть — это прохладная ночь…»), опубликованным в сборнике «Buch der Lieder» («Книга песен») в 1827 году[2]. Приведу это стихотворение в оригинале и в переводе М. Л. Михайлова, наиболее близком к образно-лексическому строю оригинала (переводы Ф. И. Тютчева и В. Я. Брюсова отличаются более свободным характером):

Der Tod, das ist die kühle Nacht,	Смерть — прохладной ночи тень,
Das Leben ist der schwüle Tag.	Жизнь — палящий летний день.
Es dunkelt schon, mich schläfert,	Близок вечер; клонит сон:
Der Tag hat mich müd’ gemacht.	Днем я знойным утомлен.

[2] *Лермонтов М. Ю.* Сочинения. М., 1891. Т. 2. С. 405–406.

Über mein Bett erhebt sich ein Baum,	А над ложем дуб растет,
Drin singt die junge Nachtigall;	Соловей над ним поет…
Sie singt von lauter Liebe,	Про любовь поет, и мне
Ich hör'es sogar im Traum.[3]	Песни слышатся во сне.[4]

Здесь необходимо сделать маленькое замечание — пока в скобках, но для дальнейшего хода исследования оно важно: в переводе М. Л. Михайлова есть одна на первый взгляд незначительная, но очень примечательная лексическая новация: нейтральное общее понятие оригинала «дерево» («ein Baum») в переводе конкретизировано в видовом аспекте — «дуб». Подобная конкретизация образа дает возможность заподозрить очень характерную для творческого процесса перевода аберрацию сознания переводчика: несомненно, Михайлову были хорошо известны лермонтовские стихи «Надо мной чтоб вечно зеленея / Темный дуб склонялся и шумел» (II, 209), и подобная аберрация вполне может послужить хоть и косвенным, но убедительным доказательством действительно существующей между текстами Гейне и Лермонтова если не контактной, то несомненной ассоциативной связи.

Никоим образом не опровергая факта возможного знакомства Лермонтова с этим текстом Гейне и вполне вероятного наличия непосредственной связи между двумя лирическими стихотворениями, русским и немецким, позволю себе заметить следующее: в своей образной системе и лексических мотивах — а именно метафорических импликациях образов дня и ночи (жизни–смерти), усталости, отдыха и сна (отдохновения после дневных забот — вечного сна в финале жизни), а также в мотивах птицы и дерева — стихотворение Гейне является очевидным парафразом другого немецкого текста, гораздо более знаменитого и с самого момента своей первой известности прочно вошедшего в немецкое национальное эстетическое сознание в качестве одного из стабильных элементов его архетипических представлений о лирической поэзии вообще (причем, именно песенной поэзии). Это даже не один, а два текста: дилогия лирических миниатюр И.-В. Гете «Wandrers Nachtlied» и «Ein Gleiches» (1776–1780), которая в русской рецептивной традиции спровоцировала ту же ситуацию многочисленных переводов, что и стихотворение Лермонтова — в немецкой. И более того: в русской рецептивной

---

3 *Heine H.* Buch der Lieder. Hamburg, 1827. S. 256.

4 *Михайлов М. Л.* Сочинения: В 3 т. М., 1958. Т. 1. С. 287.

традиции название первой части дилогии («Wandrers Nachtlied», «Ночная песня путника») оказалось неразрывно ассоциирующимся с текстом второй ее части («Ein Gleiches», обычно переводится как «Другая», но более верным переводом представляется название «Подобная»). Наиболее эквивалентными в ритмическом и образно-лексическом отношении являются переводы стихотворений Гете, выполненные А. А. Фетом («Wandrers Nachtlied») и В. Я. Брюсовым («Ein Gleiches»):

Wandrers Nachtlied
Der du von dem Himmel bist,
Alles Leid und Schmerzen stillest,
Den, der doppelt elend ist,
Doppelt mit Erquickung füllest,
Ach, ich bin des Treibens müde!
Was soll all der Schmerz und Lust?
Süßer Friede,
Komm, ach komm in meine Brust![5]

Ночная песня путника
Ты, что с неба и вполне
Все страданья укрощаешь
И несчастного вдвойне,
Вдвое счастьем наполняешь, —
Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в больную грудь![6]

Ein Gleiches
Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch,
Die Vöglein schweigen im Walde —
Warte nur! Balde
Ruhest du auch.[7]

<Подобная>
На всех вершинах
Покой.
В листве, в долинах,
Ни одной
Не вздрогнет черты…
Птицы спят в молчании бора.
Подожди только: скоро
Уснешь и ты.[8]

Лермонтов перевел стихотворение «Ein Gleiches», озаглавив его «Из Гете» («Горные вершины…»), возможно, в первой половине 1840 года[9]. О том, насколько неразрывно обе части дилогии Гете были связаны в сознании русского поэта, свидетельствуют воспоминания

---

5 Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах: 1812–1970. М., 1974. С. 231.
6 Там же. С. 230.
7 Там же. С. 209.
8 *Брюсов В. Я.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М., 1918. С. 72.
9 Первая публикация: Отечественные записки. 1840. Т. 11. № 7. Отд. III. С. 1.

А. Н. Струговщикова об обстоятельствах, при которых был создан лермонтовский, по выражению Брюсова, «недосягаемо прекрасный перевод»[10] стихотворения «Ein Gleiches»: «В конце ноября 1840 г. <...> я встретился <...> с Лермонтовым и на вопрос его: не перевел ли я “Молитву путника” Гете? — я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма. “А я, напротив, мог только вторую половину перевести”, — сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои “Горные вершины”»[11].

Хотя Струговщиков, несомненно, ошибся в дате (в ноябре 1840 года Лермонтов был уже на Кавказе), его воспоминания дают не только уверенность в том, что Лермонтову хорошо была известна вся дилогия, но и возможность предположить, что замысел перевода не исчерпывался только вторым ее стихотворением. Однако же стихотворение «Wandrers Nachtlied» Лермонтов так и не перевел. Или это только кажется, что не перевел, поскольку текст, в котором можно увидеть ответную реплику русского поэта в его диалоге с немецкой литературой, является еще более «недосягаемо прекрасным переводом» — переводом на том уровне адаптации иноментального текста к реципирующему эстетическому сознанию, на котором иноментальный образно-стилевой лирический концепт обретает собственный смысло- и текстопорождающий потенциал и, генерируя оригинальные тексты, становится достоянием воспринимающей словесности, утрачивая последние признаки «чужого» и органично вливаясь в «свою» эстетическую систему[12].

Вероятно, через год после перевода «Из Гете» было написано стихотворение «Выхожу один я на дорогу…»[13] И если взглянуть на его образно-лексические мотивы сквозь призму поэтики лирической дилогии Гете, то в их составе обнаруживается полное соответствие образной системе и эмоциональным коннотациям обоих текстов Гете, которые представляют собой не только дилогию, но и диалог: интонации обращения-мольбы первого стихотворения («Wandrers Nachtlied») соответствует интонация обращения-обещания второго

---

10 *Брюсов В. Я.* Опыты по метрике и ритмике... С. 181.

11 *Струговщиков А. Н.* Михаил Иванович Глинка: Воспоминания // Русская Старина. 1874. № 4. С. 712.

12 Как отметил Ю. Д. Левин, такое положение вещей особенно характерно для поэтического перевода первой половины XIX в.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века. Л., 1985. С. 8–10.

13 Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке; впервые: Отечественные Записки. 1843. № 4. Отд. I. С. 332 (II, 363).

(«Ein Gleiches»), в котором нет ни одного местоимения в форме первого лица (ich), но зато есть два местоимения в форме второго (du), что дает возможность предположить нетождественность лирического субъекта текста автору-поэту. В первом стихотворении эмоциональный строй лирического субъекта (а в нем он несомненно тождествен автору-поэту) является диссонантным по отношению к состоянию мироздания («süßer Friede» — «сладостный мир / покой» — это желанное, но недостижимое состояние человека); второе стихотворение обещает человеку грядущую гармонию: повтор однокоренных существительного и глагола в настоящем и будущем времени («ist Ruh — ruhest du») уравнивает эмоциональный строй духовного мира человека с вечным покоем мироздания. Главный эмоциональный смысл и неуловимое настроение стихотворений «Wandrers Nachtlied» и «Ein Gleiches» — это состояние пограничности-неопределенности, вибрация прямого и метафорического смысла мотивов пути и отдыха как бытовой картинки (приближение усталого пешехода к ночлегу) и экзистенциальной ситуации (смерть как последний вечный отдых).

Все эти образы и лексические мотивы очевидны в стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…». Первая строфа и два первых стиха второй создают космическую картину нерушимого покоя мироздания, корреспондирующую с мирообразом стихотворения «Ein Gleiches»:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом…
(II, 208)

Два заключительных стиха второй строфы и третья строфа описывают диссонантную этой картине духовную дисгармонию лирического субъекта, соотносимую с аналогичной эмоцией субъекта стихотворения «Wandrers Nachtlied»:

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
(II, 208)

Как это очевидно, в первой строфе стихотворения Лермонтова возникает полный набор образных мотивов, определяющих поэтику лирического шедевра Гете: «дорога», «один», «ночь тиха», «пустыня внемлет Богу»; в композиционном центре текста развернуты образно-лексические мотивы «свободы», «покоя», «забвенья» и «сна», уподобленные между собой стихотворной окказиональной синонимией как обозначения одного состояния и разные лексические формы выражения одного и того же смысла (ср. полисемию гетеанского слова «Ruhe», могущего переводиться, в зависимости от контекста, как *спокойствие, покой, неподвижность, отдых, сон, мир, тишина, затишье, безмолвие, порядок, смерть*), а в двух заключительных строфах не только возникают мотивы дерева и птицы (ср.: «In allen Wipfeln», «Die Vöglein schweigen im Walde»), но и описано состояние сна-покоя, которое своей колеблющейся пограничностью между жизнью и смертью корреспондирует с аналогично двоящейся образностью стихотворения «Ein Gleiches», сулящего покой в конце пути во всех возможных, прямых и метафорических импликациях образов конца, пути и покоя[14]:

Но не тем холодным сном могилы…
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь.
(II, 209)

Наконец, в ритмике лермонтовского шедевра исчерпывающе реализован имплицитно-песенный потенциал оригинала, заключающийся не только в его названии, содержащем слово

[14] Подробнее о поэтике стихотворения Гете и переводе Лермонтова см.: *Лебедева О. Б.* Интертекст множественного перевода: (Стихотворение И.-В. Гете «Ночная песнь странника» в рецепции русской литературы // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 71–72, 74–78.

«песня» («Lied»), но и в музыкальной истории текстов Гете[15]: при всей неоднозначности существующих интерпретаций метра лермонтовского шедевра[16] несомненным является факт особой песенности этого текста, подтвержденный множеством его музыкальных интерпретаций[17].

Если теперь вернуться к изначальной побудительной причине этого затянувшегося экскурса в поэтику лермонтовского стихотворения «Выхожу один я на дорогу…», то есть к десяти его переводам на немецкий язык, то в их лексическом составе — а именно в переводческих стратегиях выбора эквивалентов для многозначных и перегруженных лирическими ассоциациями контекстуальных значений слов русского оригинала — немедленно обнаруживаются явственные следы той самой аберрации поэтического сознания, которое для переводчика всегда обременено культурным фоном его собственной национальной литературной традиции: мы уже имели случай наблюдать нечто подобное в переводе стихотворения Гейне, выполненном М. Л. Михайловым.

Абсолютное большинство качественных эпитетов и эмоционально-экспрессивных глаголов и существительных, характеризующих реальное состояние природы и вожделенное состояние души лирического субъекта стихотворения Лермонтова — «Ночь *тиха*», «*Спит* земля», «Я ищу свободы и *покоя*! / Я б хотел *забыться* и *заснуть*», «Чтоб в груди *дремали* жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась *тихо* грудь» (II, 208)[18] — это полный синонимический ряд русских эквивалентов однокоренных немецких существительного и глагола Ruhe–ruhen. Однако в немецком языке у каждого из этих русских слов есть и другие эквиваленты: тихий — still, leise, friedlich, leicht, gedämpft; спать — schlafen, schlummern, träumen, покой — Ruhe, Frieden, Stille, Erhohlung. То есть это тот самый случай, когда перед переводчиком встает проблема выбора эквивалента, и этот

---

15 Оба текста дилогии Гете положены на музыку Ф. Шубертом.

16 Б. М. Эйхенбаум и Д. Е. Максимов интерпретируют метр стихотворения как 4-стопный ямб с анапестическими ходами (см.: *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 431–434; *Максимов Д. Е.* О двух стихотворениях Лермонтова // Русская классическая литература: Разборы и анализы. М., 1967. С. 127–141). Тем не менее, если счесть два безударных слога, открывающих каждый стих, стопой пиррихия, метр лермонтовского текста может быть интерпретирован и как пятистопный хорей, соединяющий медитативность лирического пентаметра (ср. белые пятистопные ямбы Пушкина) с напевностью хореического стиха.

17 См.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 96 (статья И. Б. Роднянской).

18 Здесь и далее курсив мой. — *О. Л.*

выбор определяется не только сознательной рефлексией, но и бессознательно-ассоциативным уровнем восприятия текста и столь же бессознательным актом речепорождения.

В ситуации множества переводов результаты выбора эквивалента могут тяготеть к одному из двух полюсов: разные переводчики выбирают один и тот же эквивалент (это крайне редко, но все же случается), или же разные переводчики выбирают разные эквиваленты — это происходит чаще всего. Десять немецких переводов стихотворения Лермонтова предлагают обе эти ситуации.

Практически единодушно немецкие поэты перевели зачин третьего стиха первой строфы «Ночь тиха» с использованием прилагательного still (восемь из десяти: в переводе Хиллера фон Гертрингена этот лексический мотив замещен образом молчания («Rings die Einsamkeit hört Gott in *Schweigen*»), а в переводе Лудольфа Мюллера он передан назывной конструкцией без эпитета: «*Nacht*. Die Wüste lauscht dem Wort des Herrn»[19]).

Но уже переводы двух заключительных стихов третьей строфы «Я ищу свободы и *покоя*! / Я б хотел забыться и *заснуть*» предлагают очевидную вариативность эквивалентов слов «покой» и «сон»: эквиваленты Frieden и Ruhe практически поровну делят предпочтение переводчиков: Карл Штерн, Фридрих Фидлер, Хиллер фон Гертринген и Райнер Мария Рильке выбрали эквивалент Frieden, Йоханнес фон Гюнтер, Зигфрид фон Вегезак, Вильгельм Кремер и Лудольф Мюллер — эквивалент Ruhe, а в переводе Александра Вальда они использованы оба, причем оба оказываются не только синонимами слова «покой», но и эквивалентами слова «свобода»: «Was ich gesucht, die *Ruhe* und den *Frieden*». При этом нелишне заметить, что русский эквивалент слова «Frieden» по его основному значению — это слово «мир», могущее, конечно, быть примененным и к душевному состоянию, но в тексте Лермонтова оно отсутствует. Зато именно в такой метафорической функции немецкий эквивалент слова «мир» присутствует в тексте стихотворения Гете «Wandrers Nachtlied»: «Süßer *Friede*, / Komm, ach komm in meine Brust!» («Сладостный мир, / Низойди, ах, низойди в мою грудь») — и в этом контексте для немцев оно является скорее синонимом слова «Ruhe», которое в русском сознании означает прежде всего «покой»; «мир» — это наиболее отдаленная его коннотация.

---

[19] Тексты немецких переводов стихотворения «Выхожу один я на дорогу…» цитируются по изд.: *Künzler K.* Deutsche Übersetzer und deutsche Übersetzungen Lermontovscher Gedichte... Bd 2. S. 769–772.

Наконец, переводы четвертой строфы демонстрируют аналогичное колебание в выборе эквивалентов для лермонтовских смысловых и лексических повторов «сном могилы», «заснуть», «дремали»: эволюционный ряд немецких переводов демонстрирует по меньшей мере равную продуктивность эквивалентов «schlafen» (Карл Штерн, Александр Вальд, Хиллер фон Гертринген, Зигфрид фон Вегезак, Вильгельм Кремер и Лудольф Мюллер) и «ruhen» (Фридрих Фидлер, Иоганнес фон Гюнтер, Райнер Мария Рильке; в переводе Боденштедта стихом «*Ruhe* möcht' ich — doch lebend'ge *Ruhe*» переведен стих «Но не тем холодным сном могилы», а в переводе Фридриха Фидлера стих «Nein, ich möchte *ruhn* fuer ew'ge Zeit» соответствует лермонтовскому «Я б желал навеки так заснуть»). В целом, в эволюционном ряду немецких переводов стихотворения «Выхожу один я на дорогу…» лексический мотив ruhen и его производные как варианты перевода лермонтовских лексических мотивов «сон» и «спать» встречаются 17 раз, при том, что все-таки первым и основным немецким эквивалентом русского глагола «спать» является глагол «schlafen».

Если же теперь вспомнить, что сильной позицией стихотворения Гете «Ein Gleiches», переведенного Лермонтовым под названием «Из Гете» («Горные вершины…») является именно повтор-вариация ist Ruh — ruhest du, отождествляющий обетованное человеку состояние покоя с гармоничным покоем природы и мироздания (ср. первый стих «Ein Gleiches»: «Über allen Gipfeln», имплицитно содержащий в себе идею бога, которая присутствует соответствующим словесным мотивом в тексте Лермонтова «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу»), то массовый выбор немецкими переводчиками неточного в лексико-грамматическом смысле, но эстетически бесспорного эквивалента Ruhe для лермонтовских словесных мотивов покоя и сна обретает свою мотивировку в фоновых знаниях национальной словесной культуры, которые, как уже было замечено выше, провоцируют аберрации переводческого сознания и процесса: стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…» своим образным строем и эмоциональной насыщенностью настолько ассоциативно лирической дилогии Гете, что память о ее образности не могла не определить переводческих стратегий разных представителей одной и той же немецкой словесной культуры. И эволюционный ряд немецких переводов стихотворения «Выхожу один я на дорогу…», в котором не просто неукоснительно возникают, но и более чем продуктивны ударные образно-лексические мотивы дилогии Гете Frieden и Ruhe,

концентрирующие в себе основной интеллектуально-эмоциональный смысл его текстов — это косвенное, но, на мой взгляд, очень убедительное подтверждение того, что в творческой истории стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…» — в тайне зарождения замысла и его воплощения в текст — лирическая дилогия Гете занимает свое, и очень значительное, место.

Приложение
Немецкие переводы стихотворения «Выхожу один я на дорогу…»

Carl Stern

Einsam schreit' ich auf der fels'gen Küste,
Durch den Nebel glänzt die Straße fern;
Still die Nacht, dem Herren lauscht die Wüste,
Und am Himmel redet Stern mit Stern.

Droben kreist's im feierlichen Reigen,
Erde schläft im tiefazurnen Schein, —
Herz, warum bist du so weh und eigen,
Hegst du Hoffnung, Sehnsucht oder Pein? —

Längst schon hoff' ich ja nichts mehr vom Leben,
Und was hin ist, — mag's verloren sein, —
Freiheit, Frieden möcht' ich noch erstreben,
Möcht' vergessen und dann schlafen ein.

Doch dem Todesschlaf nicht hingegeben,
Ewig starr und kalt und ohne Lust, —
Schlafen möcht' ich, daß mit leisem Beben
Kraft des Lebens höb' und senkt' die Brust!

Daß ich eine Stimme könnte lauschen,
Die von Liebe sanft mich senkt' in Traum,
Während über mir mit sanftem Rauschen
Immer grüne Zweige neigt ein Baum.

Friedrich Bodenstedt

Wandr' ich in der stillen Nacht alleine
Durch den Nebel blitzt der Steinweg fern —
Redet Stern zum Stern im hellen Scheine,
Und der Wildnis lauscht dem Wort des Herrn.

Golden schimmernd, hintern Felsenhange,
Dehnt des Himmels Blau sich endlos weit —
Was ist mir die Brust so schwer, so bange?
Hoff ich Etwas — thut mir Etwas leid?

Nein, mich lockt nicht mehr der Hoffnung Schimmer,
Und Vergangenes thut mir nicht leid —
Doch ich möchte schlafen gehn auf immer,
Freiheit such' ich und Vergessenheit!

Aber nicht den kalten Schlaf der Truhe,
Nicht die Freiheit, die uns todt begräbt;
Ruhe möcht' ich — doch lebend'ge Ruhe,
Drin noch athmend meine Brust sich hebt.

Unter immergrüne Eichen Fächeln
Möcht' ich ruehen all' mein Leben lang —
Vor mir schöner Augen Liebeslächeln,
Und in Schlaf gelullt von Liebesang.

Alexander Wald
Allein auf dem Wege

Ich geh' allein hinaus auf den Weg,
Durch Nebel glänzt der Pfad in weiter Ferne.
Die Nacht ist still! Die Wüste lauschet Gott;
Es spricht der Stern nur mit dem Sterne.

Der Himmel feierlich und wunderbar, —
Die Erde schläft im blauen Widerscheine;
Wie ist so wehe mir, so ahnungsschwer!
Weis ich doch selber nicht, warum ich weine.

Was bietet auch dies kurze Leben mir?
Ist Alles doch vergänglich nur hienieden.
Vielleicht find ich im sanften Schlummer hier
Was ich gesucht, die Ruhe und den Frieden!

Doch nicht dem kalten, dunklen Todesschlaf'
Wünsch' ich auf ewig hier mich hinzugeben!
Leis Atem holen möge meine Brust,
Bewahren möge sie die Kraft zum Leben!

Daß mir den ganzen Tag, die ganze Nacht
Von Liebe eine süße Stimme sänge;
Daß ueber mich in ewig grüner Pracht
Der dunkeln Eichenblätter Rauschen klänge.

Friedrich Fiedler

Einsam tret ich in die Wegesöde;
Neblich glänzt der Kieselpfad in fern;
Still die Nacht; das All lauscht Gottes Rede
Und der Stern spricht leise mit dem Stern.

Feierherrlich ist des Himmels Höhe,
Schlummernd ruht die Welt im blauen Schein...
Doch was schlägt mein Herz so bang, so wehe —
Ist's Erwartung, ist's der Reue Pein?

Nichts erwartet mehr mein Herz hienieden
Und bereut nicht die Vergangenheit —
Nur nach Freiheit sehnt es sich und Frieden,
Schlaf ersehnt es und Vergessenheit.

Aber nicht den Schlaf in Grabesstille —
Nein, ich möchte ruhn für ew'ge Zeit
Dass mich ganz des Lebens Kraft erfülle,
Dass die Brust mich atme qualbefreit.

Daß mich immer das Gehör bestricke
Süß ein Sang von treuem Liebesglühn,
Daß zu Häupten mir ein Eichbaum nicke,
Daß er mich umrauschte immergrün.

D. Hiller von Gaertringen

Kiesig gläenzt der Pfad, die Nebel steigen;
In der Nacht geh ich, den Menschen fern;
Rings die Einsamkeit hört Gott in Schweigen;
Flüsternd mit dem Sterne spricht der Stern.

Johannes von Günter

Einsam schreit ich hin auf meinem Pfade,
Durch die Nebel blitzt die Kiesweg fern;
Stille Nacht, vertieft in Gottes Gnade,
Droben ober spricht jetzt Stern mit Stern.

Alles schläft von blauem Glanz umfangen...
Welches Feierpracht, das Sternenzelt!..
Warum schlägt mein Herz in Weh und Bangen?
Lockt mich, reut mich etwas in der Welt?

Ich erwarte längst nichts mehr hienieden,
Nichts, was einst gewesen. macht mir Schmerz,
Einzig Freiheit such ich nur und Frieden;
Nur Vergessen, Schlaf nur wünscht mein Herz.

Nicht den kalten Schlaf der Grabestiefe, —
Würd ein solcher Schlummer mir gegönnt,
Daß die Lebenskraft im Busen schliefe,
Daß er atmend leis sich dehnen könnt!

Daß tagein tageaus ein Lied der Liebe
Süß und schmeichelnd mir im Ohre kläng,
Über mir die Eiche grünend bliebe,
Ewig mich in Schlaf ihr Rauschen sänk!

Dort im Himmel — feierliches Wunder!
Erde ruht im blauen Strahlenkleid...
Warum nur ist's mir so schwer jetzunder:
Ist's Erwartung? tut mir etwas leid?

Ich erwart vom Leben keine Gaben,
Noch beklag ich des Vergangnen Spur.
Ruhe nur und Freiheit möcht ich haben,
Nicht mehr denken, schlafen möcht ich nur...

Aber nicht in kalter Grabesstille:
Würde mir doch Schlaf auf stets geschenkt!
Träumend ruh im Blut des Lebens Wille,
Der die Brust leisatmend hebt und senkt;

Tags und nächtens sing mir, hold und lauschen
Eine Stimme sü ß der Liebe Traum;
Und es neig in ewig grünem Rauschen
Sich zu mir ein dunkler Eichenbaum.

Rainer Maria Rilke

Einsam tret ich auf den Weg, den leeren,
der durch Nebel leise schimmernd bricht;
seh die Leere still mit Gott verkehren
und wie jeder Stern mit Sternen spricht.

Feierliches Wunder; hingeruhte
Erde in der Himmelherrlichkeit...
Ach, warum ist mir so schwer zu Muthe?
Was erwart ich denn? Was tut mir leid?

Nicht hab ich vom Leben zu verlangen,
und Vergangenes bereu ich nicht:
Freiheit soll und Frieden mich umfangen
im Vergessen, das der Schlaf verspricht.

Siegfried von Vegesack

Einsam bin ich auf dem Weg gegangen.
Still die Nacht. Die Erde lauscht dem Herrn.
Sterne schimmern, noch vom Dunst umfangen.
Und der Stern spricht leise mit dem Stern.

Feierlich im wunderbaren Frieden
ziehen die Gestirne ihre Bahn.
Warum ist mir Ruhe nicht beschieden?
Quält mich Reue? Plagt mich eitler Wahn?

Nein, nichts such ich, was ich einst besessen.
Und was war, das hab ich nie bereut.
Ruhen will ich und mich selbst vergessen —
wunschlos ruhn in alle Ewigkeit.

Aber nicht der kalte Schlaf im Grabe.
Schlafen möcht ich so jahrhundertlang,
da ß ich alle Kräfte in sich habe
und im ruhigem Brust des Athems Gang.

Das mir Tag und Nacht die süße, kühne
Stimme sänge, die aus Liebe steigt,
und ich wüßte, wie die immergrüne
Eiche flüstert, düster hingeneigt.

Doch nicht jenen Schlaf in Grabestiefe
suche ich in kalter dunkler Gruft.
Atmen soll die Brust, als wenn ich schliefe,
atmen will ich warme, helle Luft.

Einer süße Stimme will ich lauschen,
der mir Tag und Nacht von Liebe singt.
Über mir soll eine Eiche rauschen,
die um meinen Schlaf die dunklen Zweige schlingt.

Wilhelm Krämer

Einsam ich auf öde Stra ße schreite.
Durch den Nebel blinkt die Kieselschicht.
Still die Nacht. Nur lauscht am Gott die Weite,
und der Stern jetzt mit dem Sterne spricht.

Hehr und herrlich ist es in der Höhe!
Und die Erde liegt im blauen Schein...
Warum ist mir doch so schwer und wehe?
Hab ich was zu harrn? Was zu bereun?

Ich erwarte längst nicht mehr vom Leben
und bereu nicht das vergangne Sein.
Würd mir Ruh und Freiheit nur gegeben,
gerne schlief ich selbstvergessen ein —

nicht zur Ruh in kalter Grabestiefe,
gern für immer ich so schlummern blieb,
daß die Lebenskraft im Busen schliefe,
daß die Brust sich ruhig atmend hüb —

einer süßen Stimme Liebenslieder
hold liebkosten Nacht und Tag mein Ohr
und die Eiche rauschend zu mir nieder
neigte ihren ewiggrünen Flor.

Ludolf Müller

Einsam trete ich hinaus ins Weite.
Nacht. Die Wüste lauscht dem Wort des Herrn.
Nebel auf dem Wege, den ich schreite,
Doch am Himmel redet Stern mit Stern.

Ist es nicht, als ob die Erde ruhte,
Schlummernd in dem Schoß der Ewigkeit?
Warum ist nur mir so schwer zumute?
Worauf wart' ich? Worum ist mir's leid?

Nichts erwart ich mehr von diesem Leben,
Und um nichts Vergangnes ist mir's leid.
Aber Ruh' und Freiheit müsst' es geben
Und den Schlaf der Selbstvergossenheit!

Aber nicht im Todesschlaf erkalten
Möcht' ich. Nein: Des Lebens Kraft und Lust
Sollte mir in Schlafe sich erhalten,
Daß sich atmend höbe meine Brust,

Daß bei Tag und Nacht ich könnte lauschen
Einem Lied von Liebesglück und -Leid,
Daß ich hörte einen Eichbaum rauschen
Über mir in immergrünen Kleid.